

Полина Садкина

**ЗОЛОТОЙ
ЛЕПЕСТОК**

18+

Полина Садкина

Золотой лепесток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73284968

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург конца XIX века. Город блестящих фасадов, за которыми гниют семейные тайны. Мария Лебязьева привыкла быть «тенью» своего мужа, сурового купца Николая, чей мир ограничен цифрами и честью фамилии. Но однажды в их доме появляется Пьер – угольно-черный кот с повадками дьявола, а вслед за ним – измятое письмо, которое должно было сгореть.

В этом письме – не только нежные слова, адресованные другой женщине, но и намек на страшную изнанку процветающей чайной империи «Золотой лепесток». Пока Николай одержимо ищет «правду», исправляя чужие жизни, как ошибки в бухгалтерской книге, Мария понимает: иногда истина обходится слишком дорого.

Сможет ли лилия уцелеть, упав в чан с кровью? И кто на самом деле ведет игру: люди, сошедшие с ума от жадности, или тихая черная тень, скользящая по углам кабинета?

Полина Садкина

Золотой лепесток

Глава 1.

– *Quel ennui, Nicolas*, – выдохнула Надежда Петровна, лениво взмахнув веером. – Вы так усердно считаете копейки, что рискуете пропустить самую жизнь. *Oh, le pauvre Nicolas...*

Светские дамы согласно зашелестели шёлком платьев и нестройно, чуть кисло хихикнули, прикрывая румяные лица. Каждая из них бросила на Николая взгляд, в котором читалось плохо скрытое превосходство.

Николай Евгеньевич побагровел, и его крепкий воротничок, казалось, стал ему мал.

– Конечно, тратить время на ехидные фразы и французские словечки в разы выгоднее, – огрызнулся он, пытаясь сохранить остатки купеческого достоинства. – А теперь позвольте поговорить **умным** людям.

Смущённо прокашлявшись, он поправил фрак и поспешно растворился в толпе, откуда до дамских ушей долетали уже лишь обрывки его напускной уверенности: «Прошу про-

щения, Григорий Семёнович, на чём мы остановились?..»

Мария Лебяжьева, жена Николая, старательно двигала лицом, выбирая самый точный оттенок эмоции между сочувствием к мужу и светской насмешкой, между тем поглядывая то на Пелагею, то на Анастасию, будто пытаясь понять: угадала ли она, всё ли правильно сделала. Надежда, обладавшая редкой чуткостью, тотчас же быстрым, грациозным движением дворянской руки заботливо поправила Машеньке кружевную берту, которая в избытке чувств предательски соскользнула, обнажив чуть больше, чем позволяли приличия этого вечера. Несмотря на то что она была в нескольких секундах от позора, заботливый поступок Нади, наоборот, усмирил её дёрганья лица, которые были сравнимы с нервным тиком, если, конечно, им не являлись.

Вечер звенел колкими шутками светских львиц, рычал переговорами чуть менее светских львов, а эти многогранные возгласы тонули в звоне скрипок и громе оркестра; зала пропахла шампанским, хрустела подолами платьев и твёрдыми воротничками, а также немного чихала от пшеничной, а то и свинцовой пудры.

Вечер плавно, чуть пошло вливался в ночь. Лебяжьевы ехали в усадьбу; Николай молчал – то ли от обиды, то ли, как всегда, а Мария наслаждалась ритмичным стуком мас-

сивных копыт, шуршанием лошадиных щёток и скрипом коляски, ведь этот унисон звуков был так сладко непохож на бальный оркестр. Запах сена и конного пота постепенно вытеснял из носа Марии приторные дамские духи и вязкий заварной крем; хоть первое и казалось кому-то мерзким, купчихе было достаточно и этого, лишь бы вымыть из памяти слипшиеся воспоминания вкусов и запахов. Свет колясочных фонарей шатался вместе со всем экипажем, периодически освещая и накладывая друг на друга то тень, то свет – богатырские, благородные крупы арденов, кожа которых лоснилась и переливалась в тусклом свете керосина, пока вся эта игра мускулов не застыла около купеческого дома, где уже играли стрёкот сверчков в палисаднике и силуэты прислуги в окнах.

Глава 2.

Кусты чубушника, что дворяне и купцы так старательно называли жасмином, уже густо покрылись инеем. Берёзки отблёскивали благородным серебром, а в небе всюю кружились хлопьями белые мухи, будто подглядывали в окна да повторяли за николаевскими девками: кто натирает медные ручки дверей, кто сервирует стол, кто до блеска намывает полы. Кухня тоже не скучала: из подвальных щелей в каждую комнату тянуло пряным мясом и сладкими пирожными. Даже Мария, на пару мгновений замерев, могла различить

тихое шкварчание, споры кухарок и басистые наставления повара, пока то и дело выбирала из серванта самые красивые вазы, ставя в них цветы, которые, по её мнению, больше всех отражали суть Наденьки – бордовые каллы.

– Слухай, дай-ка сладкое, вот это, всё равно кривое получилось, а детки-то аж извелись, всё просят сладкого чего, – пронырнув на кухню, застрекотала Никитишна. – Давай скорее, пока хозяин-барин не видит.

Юрко сунув старческими, припухлыми руками в карман передника липкое пирожное, Таисия, довольная своей хитростью, пошагала сквозь тёмный коридор обратно на этаж, предвкушая довольное, красное лицо жующего Илюшки.

– Ко-о-оля! Покрути рычаг телефонный, сил совсем нет, – пропела Мария. – Сказать надо, что сани к ней отправили.

Николай, глубоко выдохнув, отложил бумаги на конторку и пошёл в сторону этого сладкого голоса.

– Ты же Лёшку отправил? Она только его в лицо знает, не дай бог потеряется! – чуть напуганно спросила женщина.

– Лёшку, Лёшку. Подружке-то своей ты и цветы сама ставишь, будто горничная, и вон как за ребёнка переживаешь,

а муженьку что? Рычаг покрутить благородно разрешила?
Благодарствую, *medam!*

– Тяни, тяни, Анютка, сегодня я должна быть тоньше спички, – выла Надежда под треск корсета и скрежет лассо.

– Надежда Петровна, да вы с ног валитесь! Я сейчас сбегаю вам за кашей!

– Стоять! Какая каша, Нют? – прошипела женщина. – Я в корсете шевельнуться боюсь. Хоть ложку съем – лопну! А мне ещё на встрече надо поесть... ради приличия.

Разговор перебил дребезжащий металлический звон телефонного ящика, который заставил Надю болезненно выпрямиться. Анна боязливо сняла трубку, с полминуты помолчала, выдала короткое «угу» и подбежала к хозяйке.

– Надежда Петровна, там сани почти подъехали. Я вам носик припудрю – и можете выходить.

Прибрав пудру на стол, Нюша накинула на плечи Терновской тяжёлую соболью шубу, всунула даме в руки тёплую муфту и, перекрестив любимую хозяйку на прощание, помчала прибираться комнату.

Надежда в пышном бордовом платье, скрестив руки в муфте и положив её перед собой, аккуратно спускалась по лестнице. Уже у выхода из дома она поздоровалась с швейцаром, сунула в муфту ридикюль с солью и кошельком, веер и, строгой походкой выйдя к саням, остановилась. Бордовое платье контрастировало на фоне снега, создавая ощущение, что выходит не вдова из доходного дома, а напыщенная, но элегантная королева из своего дворца, знающая толк в моде. Дама летела, как капля крови в молоке, мелкими и частыми шажками в изящных атласных туфлях, а после так же строго и резко «капнула» в тёплые сани.

– К Лебяжьевым?

– К Лебяжьевым.

Алексей заботливо укрыл Терновскую медвежьей полостью, подсунув края, сел на место, и сани тронулись, продолжая путь этой маленькой капли в огромном, морозном Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.